

Василий Васильевич Радлов

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК
1971**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1972

*Памяти академика
Василия Васильевича Радлова
посвящается*

«Люди уходят, но созданное ими остается, а то, что сделано В. В. Радловым за его долгую жизнь, так велико, что память о нем будет свято храниться».

С. Ф. Ольденбург

С. И. Вайнштейн, С. Г. Кляшторный

В. В. РАДЛОВ И ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ

Роль В. В. Радлова в историко-этнографическом и археологическом изучении Сибири, Центральной и Средней Азии намного значительнее, чем это обычно принято считать. Наиболее полное освещение заслуг В. В. Радлова в этой области содержится в статье В. В. Бартольда, посвященной памяти В. В. Радлова, которая была опубликована в 1919 г.¹. По существу, все позднейшие оценки В. В. Радлова не претендуют на столь глубокое изучение темы, как это сделал В. В. Бартольд. Однако и он ограничил себя в этом вопросе лишь отдельными, хотя и достаточно глубоко проработанными, аспектами изучения историко-этнографических взглядов В. В. Радлова.

Можно выделить следующие основные направления в историко-этнографической работе В. В. Радлова: а) этнографическое изучение малоисследованных тюркских народов Сибири и Средней Азии; б) реконструкция древней истории этих народов на основе изучения археологических памятников; создание эволюционной схемы развития сибирских археологических культур; в) опыты объяснения специфики исторического развития охотничьих и кочевых народов.

Интерес к малоизвестным в ту пору народам азиатской части России возник у В. В. Радлова еще в студенческие годы, когда выявилось его стремление к исследованиям в области сравнительного языкознания, как известно связываемого его основоположниками с явлениями этнической истории и общественной психологии. Непосредственное воздействие оказали на В. В. Радлова и занятия у одного из создателей урало-алтаистики, Вильгельма Шотта, и лекции выдающегося

¹ В. В. Бартольд, Памяти В. В. Радлова. 1837—1918,— ИРГО, 1919, т. LIV, вып. 1, стр. 164—189.

немецкого географа и историка Карла Риттера², уделявшего немало внимания этнологии Центральной Азии и Сибири. Ссылки на взгляды Риттера неоднократно встречаются в трудах В. В. Радлова, и поэтому его концепция заслуживает хотя бы краткого упоминания.

В противовес сильной тогда в Германии исторической школе права, провозгласившей обусловленность истории духовным складом народа, историко-географическая школа Риттера связывала историческое развитие народа с географическими особенностями населяемой им страны. Основная идея Риттера состояла в том, что разнообразие географической среды не позволяет говорить о людях вообще, есть лишь люди, живущие в данной стране, в данных естественных условиях, которые и определяют их историю. А поскольку географическая обстановка в каждом случае своеобразна, то вследствие этого под ее влиянием у каждого народа возникают свои специфические этнобытовые черты, которые остаются неизменными в течение тысячелетий.

Таковы были в общих чертах те научные идеи, под влиянием которых формировались историко-этнологические взгляды молодого Радлова.

В. В. Радлов выехал в Россию в надежде обратиться к изучению тунгусов, загадочной в то время народности Сибири. Силой обстоятельств очутившись в Барнауле, Радлов изменил лишь объект исследования, но не изменил цели. Научная жизнь В. В. Радлова способствовала реализации им планов исследования азиатских народов. Крупные академические экспедиции XVIII в. экспедиции Русского географического общества, образованного в 1845 г., фактически создали первую этнографическую карту азиатской части России, на которой ко времени приезда В. В. Радлова в Барнаул обширные области Южной Сибири оставались еще белым пятном.

Приехав на Алтай, В. В. Радлов намечает обширный план научных исследований, в котором наряду с лингвистическими были выделены и этнографические задачи.

Первую научную поездку В. В. Радлов предпринял в мае 1860 г. в сопровождении жены и алтайца — знатока местных диалектов³. Молодой ученый совершил путешествие по долинам рек Чуи и Катунь. В 1861 г. В. В. Радлов вел исследования на Западном Алтае в долинах рек Бачаты, Мрасса, Лебедь, Чулышман, на берегах Телецкого озера, изучая глав-

² Курс лекций издан посмертно: K. Ritter, *Geschichte der Erdkunde und der Entdeckungen*, Berlin, 1861.

³ W. Radloff, *Aus Sibirien. Löse Blätter aus dem Tagebuche eines reisenden Linguisten*, Bd I, Leipzig, 1884, стр. 37

ным образом телеутов и шорцев⁴, а также в Туве в районе озера Кара-Холь⁵.

В последующие годы В. В. Радлов уделяет большое внимание исследованиям не только алтайцев, но и живших на сопредельных с Алтаем территориях тюркоязычных народов Южной Сибири, Средней и Центральной Азии, в том числе казахов и киргизов⁶.

Среди этнографических вопросов В. В. Радлов особое внимание уделял выявлению почти совершенно неизвестного в то время родового состава тюркских народностей, так как считал вслед за М. А. Кастреном, что изучение родового состава того или иного народа может служить важнейшим источником для выяснения его происхождения.

В результате этих исследований В. В. Радловым была опубликована великолепная сводка, посвященная этническому составу тюркских племен Сибири и Монголии⁷. Эта работа В. В. Радлова, сравнительно небольшая по объему, но предельно насыщенная фактическим материалом и содержащая исключительно ценные выводы по этногенезу тюркских народов, явилась крупным событием в тюркологии и этнографии. В ней были приведены новые сведения по обширной группе тюркских народов от тофаларов (карагасов) в Сибири до узбеков в Средней Азии. В результате научный мир смог ознакомиться со сложной и вместе с тем в определенной мере взаимосвязанной родовой структурой тюркских народов. Отдельные выводы В. В. Радлова были позднее уточнены и даже пересмотрены, но и поныне эта работа остается, пожалуй, одной из лучших сводок по данному вопросу.

Значительное место в «Aus Sibirien» и других трудах В. В. Радлова отведено этногенетическим вопросам, относящимся к сложению тюркоязычных народов Южной Сибири. Разрабатывая этногенетическую проблематику, В. В. Радлов помимо собственно этнографических фактов привлекал также древние и средневековые письменные источники, данные языка, топонимического и этнонимического анализа, археологические и фольклорные материалы. Вместе с тем В. В. Радлов нередко переоценивал значение бытовых особенностей народа

⁴ Там же, стр. 70—101.

⁵ W. Radloff, Aus Sibirien, Bd II, стр. 163—189.

⁶ W. Radloff, Aus Sibirien, Bd I, стр. 101—170, 406—534.

⁷ W. Radloff, Ethnographische Übersicht der Türkstämme Sibiriens und der Mongolei, Leipzig, 1883. Русский перевод: В. В. Радлов, Этнографический обзор тюркских племен Южной Сибири и Джунгарии, Томск, 1888; впоследствии был издан новый перевод, выполненный Н. Н. Козьмыным, который снабдил его заслуживающим внимания комментарием: В. В. Радлов, Этнографический обзор турецких племен Сибири и Монголии, Иркутск, 1929.

для этногенетических выводов, следуя в этом отношении за Риттером. Так, В. В. Радлов в своих ранних трудах относил тюркоязычных туба к самодийским по происхождению народам главным образом на том основании, что у них издавна господствовали охотничье-оленоводческие формы хозяйства и быта, характерные для самодийских племен⁸.

По мнению В. В. Радлова, на территории Саяно-Алтая в древности протекали сложные этнические процессы, в которых уже с эпохи бронзы важную роль играли кетоязычные племена, распространившиеся позднее на север⁹. В степных районах Присаянья, и в частности в Минусинской котловине, процессы отюречивания, как полагал Радлов, были начаты кыргызами, взаимодействовавшими здесь главным образом с енисейскими осяками (кетами), а также с самодийцами. Позднее, в XVIII—XIX вв., линия тюркского этногенеза была продолжена здесь другими тюркскими племенами, сложившимися, впрочем, на нетюркской аборигенной основе. Вместе с тем В. В. Радлов предполагал, что непосредственные предки хакасов, за исключением койбалов, «как бы ни было различно их происхождение, говорили на турецких наречиях уже во время переселения в долину Абакана»¹⁰.

Следует оговорить, что в известной мере продолжая в этой области дело М. А. Кастрена и солидаризируясь со многими его гипотезами в отношении аборигенного населения Саяно-Алтая, сам В. В. Радлов, по крайней мере в своих печатных трудах, не поддерживал идеи урало-алтайского родства и высказывался о ней скептически, хотя, по свидетельству Л. Я. Штернберга, в позднейшее время мнение В. В. Радлова эволюционировало в сторону сближения с некоторыми положениями М. А. Кастрена¹¹.

Интерес В. В. Радлова к истории тюркских народов не ограничивался этногенетическими проблемами или хорошо известными источниковедными публикациями ряда тюркоязычных исторических памятников. Его в равной мере интересовало соотношение между хозяйством и общественным бытом, между особенностями социальной организации и специфическими чертами политической истории этих народов. То обстоятельство, что эти вопросы подробно рассмотрены в

⁸ W. Radloff, *Aus Sibirien*, Bd I, стр. 191. Позднее Радлов пришел к выводу, что туба — одно из уйгурских племен. См.: В. Радлов, К вопросу об уйгурах (Из предисловия к изданию Кудатку-Билика), СПб., 1893 (прил. к ЗАН, т. LXXII, № 2), стр. 88—90.

⁹ W. Radloff, *Aus Sibirien*, Bd II, стр. 100—102.

¹⁰ В. В. Радлов, Этнографический обзор турецких племен, стр. 8.

¹¹ Л. Я. Штернберг, Кастрен — алтаист и этнограф, — сб. «Памяти М. А. Кастрена. К 75-летию со дня смерти», Л., 1927, стр. 47 (АН СССР. Очерки по истории знаний, II).

уже цитировавшей статье акад. В. В. Бартольда, позволяет нам ограничиться сравнительно кратким обзором работы В. В. Радлова в указанном направлении.

Наиболее полно В. В. Радлов изложил свои взгляды на связь истории с хозяйством и бытом народа во вводной статье к изданию «Кутадгу билиг» (1890), впоследствии изданной на русском языке¹², статье, являющейся, кстати, первой и до сих пор не утратившей значения сводкой исторических сведений об уйгурах в древности. Теоретической основой представлений В. В. Радлова о формах развития человеческих обществ была широко распространенная тогда в этнографических трудах эволюционная триада — от охотничьего быта к пастушескому, от пастушеского быта к оседлому. Естественно, в плане собственной работы В. В. Радлова интересовали только две первые части этой триады; и страницы, посвященные их характеристике, относятся к числу сильнейших в его работе.

Говоря об охотничьих народах, он имел в виду преимущественно «народы тундры и лесов Северной Сибири»; первой ступенью перехода к кочевой жизни было, по его мнению, приручение северного оленя. Переход совершался только под давлением экономической необходимости. Без такого давления «обитатели лесов целыми столетиями остаются на той же ступени развития». В свою очередь только нужда и сокращение свободных земель заставляют кочевника обратиться к земледелию. И в том и в другом случае переход к иной форме быта означает переход в иную географическую среду, так как вслед за Риттером В. В. Радлов рассматривает эти два явления в причинно-следственной связи. В. В. Радлов утверждал, что в значительной части степи по природным условиям не может быть другой жизни, кроме кочевой. Основываясь на этой концепции, он ошибочно считал, что неизбежным последствием попытки обратить кочевников в оседлых поселенцев были бы регресс и уменьшение населения.

Остановливаясь на возникновении политической власти в кочевом обществе, В. В. Радлов, хотя и не отказывается от некоторых представлений, восходящих еще к теории общественного договора Ж.-Ж. Руссо, все же заостряет внимание на двух моментах — неизбежно возникающем у кочевников имущественном неравенстве во владении скотом и пастбищами и на неизбежной узурпации власти в племени наиболее богатым и многочисленным родом¹³.

Радлов первым обратил внимание на то, что основой ко-

¹² В. В. Радлов, К вопросу об уйгурах.

¹³ Там же, стр. 67—75.

чевого общества является не семья сама по себе, а особый социальный организм — аул, в котором В. В. Радлов разглядел не просто совместное поселение людей, а специфическую ячейку общественной организации кочевников. Это обстоятельство отражено, в частности, в «Опыте словаря тюркских наречий», который является замечательным историко-этнографическим источником. «Аул,— пишет В. В. Радлов,— это юрты, находящиеся на одном месте. Аул образует всегда одну социальную единицу, зависящую от одного лица, по имени которого аул и называется. Кибитки разных, друг от друга не зависящих людей, хотя бы и совершенно близкие одна к другой, считаются разными аулами»¹⁴.

На живых этнографических наблюдениях, главным образом среди казахов, основаны, по словам В. В. Бартольда, блестящие страницы исследования В. В. Радлова об уйгурах, где говорится о родовом быте кочевников, происхождении власти биев и ханов, быстром образовании и столь же быстрым распаденнн огромных кочевых империй. «Сказанное там вполне подтвердилось, когда наука получила в свое распоряжение подлинный памятник... (тюркской.— С. В. и С. К.) империи VI—VIII вв.— орхонские надписи»¹⁵.

Вместе с тем В. В. Бартольд, который во многом разделял представления В. В. Радлова о характере и эволюции кочевого общества, отметил и существенный пробел в его оценке социальных отношений — игнорирование момента обострения классовой борьбы как необходимого условия возникновения государства у кочевников.

В сфере этнографических интересов В. В. Радлова весьма рано отмечается особое внимание к религиозным воззрениям азиатских народов в связи с влиянием, которое оказывала религия на их язык и быт. Не избегнув характерных для университетской науки того времени преувеличений в оценке роли религиозных систем на исторические судьбы народов Азии, В. В. Радлов вместе с тем дал очень ценный, не утраченный и поныне своего значения материал, конкретно освещающий ранние формы религии у тюркских народов.

За алтайский период В. В. Радлов собрал очень ценные материалы по шаманству у сибирских и среднеазиатских народов, изучением которых ему пришлось заниматься. В «Aus Sibirien» он поместил специальную работу о шаманстве — «Шаманство и его культ»¹⁶, в которой дал сравнительно-

¹⁴ В. В. Радлов, Опыт словаря тюркских наречий, т. I, СПб., 1893, стлб. 14.

¹⁵ В. В. Бартольд, Памяти В. В. Радлова, стр. 179.

¹⁶ W. Radloff, Aus Sibirien, Bd II, стр. 1—67.

этнографическую характеристику этой формы религии. Глубокий интерес вызывали у В. В. Радлова явления религиозного синкретизма — в том виде, в котором он проявлялся при взаимодействии ранних и развитых форм религиозного мышления и культовой практики. Так, реликтовые формы шаманизма у принявших ислам казахов или ламаистские обряды в системе шаманских верований южносибирских народов были предметом научного анализа В. В. Радлова, считавшего шаманизм самой ранней и главной формой религиозного мировоззрения тюркских, тунгусских и монгольских народов¹⁷.

Долгая жизнь в тесном контакте с тюркоязычными народами Сибири и Поволжья нашла отражение не только в трудах В. В. Радлова, но и в чертах его характера. Глубокое уважение к духовному миру и человеческому достоинству тех, кого окружающие его представители чиновничьей среды презрительно именовали инородцами, всегда выделяло В. В. Радлова и делало его в глазах этих людей наивным чудачком. Высокий гуманизм ученого, который, несмотря на огромные трудности самого разнообразного свойства, десятилетия своей жизни посвятил изучению языков и культур народов, живших в нищете и бесправию, нашел свое проявление не только в бескорыстном научном подвиге, но и в столь же бескорыстном стремлении сделать все возможное для того, чтобы приблизить эти народы к достижениям современной ему культуры.

Конечно, его усилия, вдохновляемые либерально-гуманистическими настроениями, были далеки от того реального пути, который принес народам России подлинное освобождение от нищеты и невежества, но следует отметить, что иногда проявляющееся в литературе приписывание В. В. Радлову тех или иных черт расистского мировоззрения, глубоко чуждого В. В. Радлову, по меньшей мере неоправдано. Естественно, что В. В. Радлов был далек от цельного материалистического мировоззрения и на его научных взглядах сказывалось воздействие самых различных научных школ, от гербартианства до позитивистских и эволюционно-дарвинистских концепций, применение которых к истории и этнографии получило тогда широкое распространение. Те или иные взгляды В. В. Радлова на судьбы угнетенных и вымирающих народов Сибири неизбежно отражали воздействие модного в то время социального дарвинизма, впрочем не получившего в его работах сколько-нибудь существенного отражения. Однако эти взгляды не дают оснований считать В. В. Радлова ра-

¹⁷ Там же, стр. 1—2, 66—67.

систом, идеологом казенной великодержавной науки — оценка, получившая отражение в некоторых работах¹⁸.

Занятиям В. В. Радлова в области истории тех народов, с которыми он повседневно сталкивался во время своих этнографических поездок, препятствовало почти полное отсутствие письменных источников. Стремясь восполнить этот пробел, В. В. Радлов обратился к изучению археологических памятников на огромной территории от Енисея на востоке до Илийской долины на западе. Несмотря на отдельные раскопки, начатые еще в петровскую эпоху, в археологическом отношении Сибирь в середине прошлого века была в полном смысле *terra incognita*.

Для того чтобы составить себе хотя бы самое общее впечатление о разнотипных памятниках, отражавших историческое прошлое народов Сибири, непригодны были локально ограниченные раскопки даже в районах такой их небывалой концентрации, как Минусинская котловина. Поэтому В. В. Радлов предпочел экстенсивные обследования разнотипных памятников, позволившие ему в сравнительно короткий срок создать обобщенную эволюционную археологическую схему, которая могла быть применена для обширной территории. Результаты раскопок были изложены В. В. Радловым вскоре после их завершения¹⁹.

За годы пребывания на Алтае В. В. Радлов обнаружил в результате раскопок свыше ста различных памятников, причем наибольшее количество их — около семидесяти — в Минусинской котловине и на Алтае, двадцать шесть — в Барандинской степи.

В числе археологических открытий В. В. Радлова — всемирно известный Большой Катандинский курган, первый раскопанный памятник пазырыкского типа. В скрытой под каменной наброской ледяной линзе были обнаружены уникальные по сохранности великолепные изделия, в том числе образцы искусства древних алтайских племен, их одежда и утварь²⁰.

В. В. Радлов подразделил все изученные им археологические памятники на четыре периода. Медным и бронзовым периодами он датировал ряд курганов, в которых были най-

¹⁸ Э. А. Масанов, Очерки истории этнографического изучения казахского народа в СССР, Алма-Ата, 1966, стр. 182.

¹⁹ W. Radloff, *Aus Sibirien*, Bd II, стр. 68—143; В. В. Радлов, Сибирские древности, — ЗРАО, 1895, т. VII, стр. 147—216 (перевод 7-й гл. из «*Aus Sibirien*»).

²⁰ W. Radloff, *Aus Sibirien*, Bd II, стр. 103—109; см. также: А. А. Захаров, Материалы по археологии Сибири. Раскопки академика В. В. Радлова в 1865 г., — ТГИМ, вып. 1, 1926.

дены бронзовые изделия, но не было следов железа. К этому периоду помимо курганов, раскопанных на Алтае в Кулунде, в Киргизской и Барабинской степи, были отнесены некоторые писаницы, а также горные выработки²¹. Следует отметить, что В. В. Радловым были впервые открыты в долине Абакана погребения афанасьевского времени, что, к сожалению, осталось неучтенным в специальных работах. Им же было раскопано несколько погребений карасукской культуры²². К древнему железному периоду В. В. Радлов отнес курганы, сочетавшие в себе бронзовые и железные орудия и оружие. К этому периоду он совершенно справедливо причислил впервые раскопанные им курганы пазырыкского типа²³. К новому железному периоду В. В. Радлов отнес главным образом те из раскопанных им в Минусинской котловине курганов, которые местные жители считали кыргызскими²⁴. Лишь некоторые из них, содержавшие трупосожжения и характерные кыргызские вазы²⁵, могут действительно считаться кыргызскими. Другие же курганы, отнесенные В. В. Радловым к этому периоду, были оставлены населением, жившим в другие эпохи. Наконец, В. В. Радлов выделил памятники позднейшего железного периода, к которому, по его мнению, принадлежали курганы местных племен вплоть до этнографической современности.

Следует сказать о методике полевых археологических работ В. В. Радлова. Ученый, как он писал в своих отчетах, старался полностью раскапывать курганы, снимая насыпь и целиком расчищая могилу, т. е. в ряде случаев он раскапывал курганы «на снос», как сказали бы мы теперь. Для фиксации материала В. В. Радлов пытался составлять схематические чертежи, рисующие конструкцию кургана и положение погребенных. Однако В. В. Радлов, к сожалению, не придерживался последовательно принятого им метода раскопок курганов. Так, Большой Катандинский курган был раскопан им при помощи траншеи, это привело к тому, что, с большой тщательностью раскопав огромный каменный курган и составив схематические планы насыпи могильной ямы и положения погребенных, исследователь не заметил конского захоронения, которое было почти сто лет спустя раскопано А. А. Гавриловой²⁶. В целом же раскопки В. В. Радлова бы-

²¹ W. Radloff, *Aus Sibirien*, Bd II, стр. 78—103.

²² Гос. Эрмитаж, колл. № 1123.

²³ W. Radloff, *Aus Sibirien*, Bd II, стр. 103—116.

²⁴ Там же, стр. 116.

²⁵ Там же, табл. 9—1, 2.

²⁶ А. Гаврилова, *Раскопки могильника Катанды II*,—СА, 1957, т. XXVII, стр. 250—268.

ли проведены им вполне на уровне применявшихся в то время методов исследования и даже превосходили приемы многих профессиональных археологов тех лет, а в отношении комплексного подхода к археологическим источникам Радлов далеко превзошел всех других исследователей Сибири XIX в.

Реконструируя быт древних народов Сибири, он прежде всего стремился восстановить картину хозяйственной жизни отдельных племен, в особенности в те периоды их истории, которые не нашли освещения в письменных памятниках. Так, он считал, что материалы курганов медного и бронзового периодов позволяют прийти к выводу об оседлом быте южно-сибирских племен в то время²⁷. Характеризуя эпоху раннего железа и отмечая развитие скотоводства и особенно большую роль коня, Радлов сослался, в частности, на 16 конских костяков, найденных в одном из курганов Берельской степи²⁸. На основании материалов раскопок В. В. Радлов пришел к совершенно справедливому заключению, которое лишь много позднее получило общее признание, что кроме скотоводства, которое было главным хозяйственным занятием жителей степей железного века, они «занимались еще земледелием, как до сих пор делают все тюркские кочевые народы. Они обрабатывают свои поля поблизости зимних стоянок»²⁹.

Всемирную известность приобрели исследования Орхонской экспедиции в Монголию, возглавлявшейся Радловым. Помимо изучения рунических памятников экспедицией было проведено археологическое изучение древнейуйгурской столицы — городища Карабалгасун. Отряд экспедиции во главе с Д. А. Клеменцом по заданию В. В. Радлова провел обследование археологических памятников в Туве, давшее чрезвычайно ценные результаты³⁰. Клеменц открыл и обследовал остатки городских поселений и выдвинул предположение об их принадлежности уйгурам, что нашло полное подтверждение в позднейших исследованиях советских археологов.

Особо следует отметить работу по изданию древностей Сибири, выполненную В. В. Радловым³¹. Благодаря публикациям В. В. Радлова в научный оборот было включено огромное число прекрасно изданных археологических коллекций из музейных и частных собраний. Предпринимая этот труд, В. В. Радлов неоднократно подчеркивал, что изучение

²⁷ W. Radloff, *Aus Sibirien*, Bd II, стр. 97—98.

²⁸ Там же, стр. 132.

²⁹ Там же, стр. 134—135.

³⁰ «Сборник трудов Орхонской экспедиции», вып. I, СПб., 1892, стр. 68—72.

³¹ В. В. Радлов, *Сибирские древности*, — МАР, 1888, № 3; 1891, № 5; 1896, № 15; 1902, № 24.

древней культуры сибирских народов должно базироваться на сравнительном изучении археологических материалов. Это издание В. В. Радлов дополнил ценнейшими сведениями из различных печатных и архивных источников, рисующих развитие сибирской археологии от раскопок «бугровщиков» до начала исследований научными экспедициями (Ф. Страленберг, Д. Мессершмидт, Г. Ф. Миллер и др.). Поныне много томные «Сибирские древности» В. В. Радлова служат важным источником для всех исследователей сибирской археологии.

Наконец, необходимо отдать должное В. В. Радлову в связи с его выдающейся ролью в организации научного этнографического центра в Академии наук. В течение четверти века, с 1894 по 1918 г., В. В. Радлов возглавлял Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого. Когда В. В. Радлов принял на себя руководство музеем, это было лишь небольшое хранилище коллекций со штатом из двух служителей. Прежде всего В. В. Радлов привел в образцовый порядок коллекционные материалы, организовав их по новой системе, принятой в передовых в то время научных музеях мира³². Вслед за тем В. В. Радлов постепенно осуществил свою главную задачу — объединил вокруг музея все передовые научные силы в области этнографии и археологии, что вскоре привело как к стремительному росту коллекций и сложению постоянных экспозиций музея по национально-географическому принципу, так и к развитию теоретических и полевых исследований в области этнографии. В. В. Радлов пригласил в штат музея Л. Я. Штернберга, Д. А. Клеменца, Н. М. Могилянского, В. Ф. Адлера. То обстоятельство, что в штат музея были включены вернувшиеся из политической ссылки революционеры Клеменц и Штернберг, показывает характер симпатий В. В. Радлова. С музеем благодаря В. В. Радлову начинают тесно сотрудничать известные ученые-востоковеды С. Ф. Ольденбург, А. Н. Самойлович, И. И. Зарубин, К. А. Иностранцев, В. В. Бартольд, В. Л. Котвич, В. М. Алексеев. Экспедициями музея были охвачены самые отдаленные уголки мира. Немалое место в экспозиции музея было уделено и тюркским народам³³.

Таким образом, работами В. В. Радлова были заложены основы для дальнейшего историко-этнографического изучения тюркских народов Сибири и Центральной Азии, а отчасти и Средней Азии. Успешное развитие этого направления тюрко-

³² Ко дню семидесятилетия В. В. Радлова. 5 января 1907, СПб., 1907, стр. 35—46.

³³ Там же, стр. 74—76.

логи в последующее время во многом обязано тому фундаментальному научному наследию, которое заключено в многочисленных трудах В. В. Радлова.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ЗРАО — Записки Императорского Русского Археологического Общества, СПб.
ИРГО — Известия Русского Географического Общества, СПб.
МАР — Материалы по археологии России, издаваемые Императорской Археологической Комиссией, СПб.
СА — Советская археология, М.
ТГИМ — Труды Государственного Исторического музея, М.